

ЕЛКИ СТАРОГО НИЖНЕГО

Приближается время веселого зимнего праздника советских детей—елки. В этом году елочные, игрушки и огни будут ярче и радостнее—страна наша овладевает «мастерством веселья», обеспечив себе добольство.

Елочный праздник еще недавно был достоянием городских зажиточных кругов. Деревне и бедноте до революции было не до «елок». Красивый обычай, любовно описанный у романтиков и сказочников 19 века (Э. Т. А. Гофмана, Андерсена и др.) стал распространяться у нас в 1840-х годах. Герцен устраивал елку своему пятилетнему сыну, который, восхитившись сначала блеском елочной фольги и игрушек, испугался и расплакался при виде большой восковой куклы.

В 1850-х годах на месте, где теперь редакция «Горьковской коммуны», на ул. Свердлова стоял «большой дом» дворянской семьи, в котором прошли детские годы писателя нижегородца П. Д. Боборыкина. Он вспоминал потом, как устраивали елку в старом городе. «Елку устраивали тогда не в рождество, это считалось немецким обычаем, а под новый год. Тетка Лизавета Петровна была всегда душой таких праздников. Петрушу она брала с собой в лавки, выбирала фрукты, покупала лакомства и маленькие деревянные куколки, золотила и серебрила яблоки и грецкие орехи. На это шло несколько дней в послеобеденные часы». (Повесть «Большой дом»).

Так примитивно еще выглядела елка в середине 19 века. Она живо напоминала описанную Андерсеном, которую украшали цветы из бумаги, сахарные прозрачные яблоки, золоченые орехи, зеркальца, сотни цветных свечек и куколки, ужасно похожие на маленьких человечков, смиренно сидевших в тени зеленых веток.

А вот другая елка, о которой трудно вспоминать без волнения. Она была в нижегородском манеже, большая, сверкающая электрическими лампочками. На ней было полтысячи детей—бледных, оборванных, грязных.

«Ошеломленные длинным рядом столов с подарками и видом елки, роскошно украшенной, горящей электрическими огнями—эти несчастные дети кружились по зале густым пестрым потоком, и все покашливали, покашливали, эдак особенно, грустно и жалобно, как изможденные стартки. Ходили молча, степенно, а глаза у них были жадные, строгие, серьезные такие глаза. Нехорошо, знаете.

...Когда этим несчастным rozdali подарки—по пирогу, мешку гостинцев в 1½ ф., по салогам, рубахе, платью, кофе, шапке, платку—вы знаете—многие из них заревели от радости, иные куда-то бросались бежать, прижимая к себе подарки, другие, усевшись на пол, тотчас же принялись есть».

Так описывает устроитель этой елки, Алексей Максимович Пешков свои впечатления в письме к Л. В. Средину (только что опубликовано в книге А. Роскина «Максим Горький», Детиздат, 1936 г., стр. 66).

Девяносто лет отделяет нас от скромной елки барчука Боборыкина. Тридцать пять лет назад устраивались елки Максима Горького, и многие еще помнят высокую фигуру, густую «приву» и волнующий голос их ласкового и гениального устроителя. Его образ припомнится всем детям и на радостных советских елках этого года.

ДМ. ПРОКОПЬЕВ.